

Маркиз де САД. «Философия в будуаре». Перевод с французского и рассказ о жизни и творчестве маркиза де Сада Ивана Карабутенко. Москва. МП «Проминформо». 1992.

Имя маркиза де Сада приобрело определенную репутацию задолго до того, как мы получили возможность прочитать переводы его книг, и, казалось, никакой текст, никакие умопомрачительные сцены, сочиненные им, нас удивить не смогут. А я, признаюсь, все-таки ухитрился удивиться. И теперь раздумываю: кто меня удивил — автор или переводчик?

Склоняюсь к тому, что последний. Но поразило не то, что свою русскую версию «Философии в будуаре» И. Карабутенко с безграничной щедростью оснастил русским же матом. Возможно, специалист по французскому языку и

литературе считает нашу матерщину вполне адекватной крепким выражениям на родине де Сада. Меня удивило, насколько результаты отважного желания И. Карабутенко «повыражаться» в связи с де Садом оказались куцыми в сравнении с тем, что мы слышали и слышим на родных просторах и читаем на родных заборах. Получилось не только не трехэтажно, но даже и без мезонина. В чем же дело? Неизобретательным оказался сам де Сад? Или филологические (надеюсь) цели не смогли перебороть врожденной деликатности переводчика?

В остальном-то книга де Сада очень любопытна и вызывает немало размышлений (даже то, что отпечатано настоящего Знамени ПО «Детская книга»). Интересно и предисловие переводчика, особенно его мысль о том, что персонажи «Философии в будуаре» — «не живые люди, а куклы, зверюшки». Автор создал своих героев именно гомункулами, чтобы обеспечить однозначность тех выводов, которые необходимо вселить в головы читателей. «Философия в будуаре» — или кукольный спектакль, или мультипликационный фильм.

Как не вспомнить: после опытов де Сада в XIX и особенно в нашем веке эстетика «кукольных спектаклей» широко распространилась в литературе. С одной стороны, ее заведомая условность, а с другой — твердый расчет на восприятие кукольного действия всерьез, на «детскость» сознания зрителя-читателя ока-

зались как нельзя кстати для теоретиков, видевших в искусстве инструмент для формирования «правильного человека».

Причем пропагандистам марксизма-ленинизма необходимы не только особые «творческие» произведения, но и особое состояние сознания человека, которое обрабатывается специфическими — преимущественно внелитературными — методами ради сохранения его «детскости». Фраза из популярной песни: «Мы будем петь и смеяться, как дети» — не поэтический троп, а лишь констатация достигнутого.

Надо признать: литературный садизм был безнадежно побит литературным марксизмом. Сад на вопрос, чему служат его романы, отвечал: «они для того, чтобы описывать вас такими, как вы есть». Марксисты-ленинцы требовали от литературы изображать людей такими, какими они, по их мнению, должны быть. Упражнения Сада привели к тому, что он был зачислен в махровые порнографы. Усилия соцреалистов увенчались созданием одной из самых ханжеских литератур всех времен и народов». Но если разобраться в глубинных значениях слов, поймем: пресловутая классика литературы социалистического реализма несет заряд духовной порнографии столь изнуряющей силы, что не снилась и таким записным порнографам, как... (Поскольку И. Карабутенко из числа таковых маркиза постарался вывести, читатель сам, по своему вкусу, может поставить соответствующие, на его взгляд, имена.)

Лит. газетчик - 1992. 21 октября 1992 - С. 4